Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Кто ближе всех к руководителю. Часть 3

Ответного разрешения говорить мне "Ваня" я ей не дал, да она, скорее всего его и не ждала. И все же такое вот неравноправное обращение друг к другу не помешало нам наслаждаться горячим чаем и болтать сначала о работе, потом вообще обо всем на свете. Люся (буду ее называть теперь так для краткости) оказалась интересным собеседником: начитанная, азартная, остро и быстро реагирующая на мои аргументы, приводящая разумные доводы в подтверждение своих мыслей, доброжелательная по отношению к окружающему миру, но твердая в убеждениях:
Внезапно, прервав себя на полуслове, она спохватилась:
- Ой, у меня же в номере еще шоколадка осталась! Сейчас принесу.
Подхватилась, выскочила, и скоро вернулась с большой "Аленкой".
- Двенадцать.
Я взглянул на часы, поправил:
- Без четверти на моих.
- Нет, я о температуре в номере. Двенадцать градусов, и батарея совсем холодная.
- М-да: Так вы к утру вообще к простыням примерзнете!
- Да уж:
Чуть было не ляпнул, мол, давайте номерами поменяемся, но вовремя спохватился: это было бы уж совсем чересчур! Джентльменство джентльменством, но я в первую очередь для нее суровый шеф, и такое моё предложение неуместно.
Вместо этого я брякнул еще большую глупость:
- Оставайтесь.
Люся вытаращила глаза:
- Что-о-о?
Но меня уже понесло:
- Оставайтесь. Кресло раскладывается, номер у меня двухместный вообще-то, так что подушек и одеял хватит.
И ляпнул совсем уж ерунду:
- Обещаю не приставать.
Конечно же, предложение мое в Люсиных глазах выглядело ну очень уж скабрезным. И все же она, видимо, сообразила, что если у нее в номере в двенадцать ночи - двенадцать градусов, то при минус двадцати пяти на улице, при ветре в окно и при холодной батарее к утру ее придется от простыней ледорубом отковыривать.
Эти колебания мне удалось прочитать на лице женщины, но мыслей о том, что она решит остаться на ночь со мной, я не допускал. И отлично: вежливость я проявил, она отказалась, и ее будущее воспаление легких - не моя вина.
Ошибся.
- Мне очень неудобно, Иван Егорович: Но я и правда не смогу переночевать там. Я и так уже надела на себя всё, что можно, а пока шоколадку в сумке искала, замерзла совсем. Только:
- Что - только? Ну, я повторяю: приставать на буду, рассказывать кому-то - тем более. Слово даю.
- Ну: хорошо: Я только схожу еще раз, заберу кое-что.

- Да, конечно.
Она опять ушла, а я принялся материть себя за длинный язык. Вслух!
Ругаясь, я разобрал свою постель на широченной двуспальной кровати, разложил кресло, достал полотенца-простыни-подушки-одеяла для гостьи, сложил стопочкой. Ну, и нах: в смысле - какого дьявола я устроил всё это? Ясно ведь, что в любом случае я окажусь в идиотской ситуации: не попытаюсь затащить к себе под одеяло сисястую бабу, ночуя с ней в одном номере - куры меня, как говорится, засмеют. Или загребут. Или как там эта чертова пословица? То есть, поговорка. Или присказка: Тьху!
А начни я домогаться ее - другая беда: нарушение данного мною честного слова; шумный скандал в случае неуспеха, или совершенно непредсказуемые последствия, если все же в конце концов я свой конец в нее засуну.
Вместе со словами "сисястая баба" и "засуну конец" пришло осознание того, что засунуть в сисястую бабу конец мне хочется. И конец мой это желание подтвердил: вполне явственно начал шевелиться.
Люся принесла какие-то свои вещи - я даже не посмотрел. Разложила что-то на полочках в шкафу, в тумбочке, в ванной на полочке над раковиной.
- Иван Егорович, вы ложитесь, а я пока постелю себе.
- Ну да. Я сначала в душ.
Принимая неспешно душ, я размышлял, но уже не над тем, быть или не быть сегодня сексу, а над тем, как к этому прийти так, чтобы и овцы сыты, и волки целы, и пастуха не сожрали. "Приставать" нельзя, я обещал. Значит, нужно сделать так, чтобы "приставать" начала она. То есть, нужно спровоцировать её, но так тонко, чтобы в случае неудачи с полной уверенностью можно было заявить, что ей показалось. Хотя неудачи быть никак не должно!
Для начала я вышел из душа в одних трусах-плавочках, почти ничего не скрывающих - ни сам член, ни тот факт, что он не такой уж и сонный. А что? Я у себя дома.
Люся, увидев это, подняла бровь, но ничего, естественно, не сказала.
А я понял, что она поняла. Нырнул под одеяло, стянул трусы и открыто, а точнее, демонстративно вытащил их из-под одеяла и засунул под подушку:
- Не обращайте внимания, Люся, я всегда так сплю. Если на мне хоть что-то надето, я не высыпаюсь.
Как же не обращать внимания-то? Ха-ха! Попробуй тут не обрати! Люся, конечно же, обратила, да еще как! Она сама не заметила, как при виде всего, что я проделываю, она уставилась на то место на моем одеяле, где что-то топорщилось, и провела себя рукой по лбу. Ну-ну! Посмотрим, насколько ты устойчива!
- Можно, я свет выключу?
- Да, конечно. Не задвигайте шторы, а то в темноте ушибетесь.
Свет от уличных фонарей прекрасно освещал комнату, и я всё отлично мог видеть. Из душа Люся вышла в длинной ночной сорочке. Не очень эротично, конечно, зато никаких штанов: терпеть не могу женские пижамы!
В узкий проход между ее креслом и моей кроватью я как будто случайно выставил руку. Она задела ее ногой.
- Ой, простите!
- Это вы извините.

Поворочалась, укладываясь, и стихла. Помолчали.
- Не спите, Люся?
- Нет.
- Ну, тогда, может:
- Что?
Я не ответил. Пусть сама придумывает. А пока что, чтобы легче ей думалось, я опять нечаянно свесил руку с кровати в сторону кресла - примерно до середины прохода. Не иначе, как тоже случайно, Люся тоже выбросила руку в мою сторону. И так уж получилось, совсем не специально, что эти две руки прикоснулись друг к другу. Видимо, во сне, пальцы одной руки стали перебирать пальцы другой: Потом более длинные пальцы чуть-чуть потянули к себе те, которые потоньше и покороче.
Вместе с пальцами потянулась и рука, а потом и ее обладательница. Ко мне под одеяло.
- Никак не согреюсь.
А что, нормальное оправдание! Ну, если холодно, так тут ничего не поделаешь - кто хошь ко мне в постель переберется!
Ладно, перебраться-то Люся ко мне перебралась, но так ведь пока что на этом дело и закончилось! То есть, я, конечно, для скорейшего согревания обнимал женщину, забирался руками к ней под ночнушку, мял, тискал, ласкал её большие мягкие груди, теребил соски сначала пальцами, а потом и языком: Я гладил ей живот, трогал и гладил её там, где живот переходит сначала в кудрявые заросли, а потом в расщелину между ног:
Никакой ответной реакции я не видел. То есть, совсем никакой! А ведь всё это я очень даже хорошо умею! Но Люся просто лежала на спине с ночнушкой, задранной до самого горла, и с раздвинутыми и согнутыми в коленях ногами. И - напряжена как-то непонятно.
- Что такое? Что-то не так?
- Я не знаю. Я думала, что это у вас что-то не так. Я давно уже: вот: ноги раздвинула.
До меня начало доходить: она просто не умеет заниматься сексом! Ей давно за тридцать, она замужем, есть ребенок, а она в этом деле - новичок?!
Я прекратил свои бесплодные попытки хоть как-то разбудить в женщине желание, одернул длинную сорочку.
- Так: Люся! Ну-ка, давай-ка начистоту: у тебя, кроме твоего Василька, другие мужчины раньше были?
- Нет, что вы, никогда!
- Так какого ж дьявола ты с кресла сюда пришла? Я не заставлял, не просил, даже не намекал! (Тут я, конечно, немного соврал: чуть-чуть то я намекал, в смысле - провоцировал) .
- Потому что: Не знаю. Захотелось.
- А потом что - перехотелось?
- Нет, не перехотелось. Но вы же ничего не делаете:
-?! !
- Ну, я же вон легла как надо:
- То есть, у вас с Васильком всегда так: ты легла, он залез, засунул, попрыгал, скатился - и спать?!
- А как еще?
Тудыт-едрит-гибрит-раскудрит!!! Вот это я влип!
Матюкнулся, я видимо, вслух, потому что Люся вдруг скукожилась и полезла в сторону

кресла.
- Стоп! Погоди. Давай спокойно разберемся. Как я понял, Василек никогда не пытался доставить тебе удовольствия, и ты даже не знаешь, какое оно бывает. Ваше дело, конечно, и меня не касается. Единственное, что я скажу: я бы мог тебе помочь, но вряд ли это получится за один раз. Нужно будет повторение, и не одно. Ты согласна?
После паузы, еле слышно:
- Согласна.
- Хорошо, но учти: если тебе чему-то удастся научиться, Василек сразу это узнает, потому что поведение твое в постели сильно изменится. Не боишься?
- Да пошел он! Вы не представляете, как я устала:
- Нет! Вот этого не надо - рассказывать мне про вашу семейную жизнь. Пусть она остается за дверями вашей квартиры.
- Хорошо. Извините:
- Ладно. Так учиться начнем сегодня? Или уже поздно, спать пора?
- Давайте начнем сегодня.
И начали. Описать всё нелегко было бы. Пожалуй, вообще даже невозможно! Я рассказывал женщине теорию вопроса, демонстрировал на практике, выпытывал ее ощущения от тех или иных моих действий, просил, а иногда и просто заставлял Люсю делать что-то: Наиболее сложным оказалось уговорить ее прикоснуться к члену. С большим трудом, после четвертой или пятой попытки она рискнула потрогать его, и сразу же отдернула руку.